

В. Сокольский

**Журнал Министерства
Народного Просвещения**

Часть 214

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В. Сокольский**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 214 / В. Сокольский –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 102 с.

ISBN 978-5-458-00577-7

Журнал министерства народного просвещения.

ISBN 978-5-458-00577-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

миѣнно принадлежаціе позднѣйшей формаціи права, признавались первоначальными и болѣе древними, чѣмъ типы, встрѣчающіеся у другихъ арійскихъ народовъ, а вслѣдствіе этого устанавливалось не-правильное воззрѣніе на послѣдовательность и преемство формъ въ развитіи права.

Другая школа понимаетъ гораздо шире задачу сравнительной исторіи права. По миѣнію этой школы, главнѣйшими представителями которой между Англичанами являются Лэббокъ, Макъ-Ленанъ, Спенсеръ и Морганъ (Америкаецъ), между Французами—Жиро-Тѣлонъ и Лавеле, а между Нѣмцами—Вахофенъ и Постъ, задачей сравнительнаго изученія права необходимо признать установленіе законовъ развитія права, общихъ всему человѣчеству. Вслѣдствіе этого, означенные ученые или пользуются всѣмъ матеріаломъ, доставляемымъ правомъ самыхъ различныхъ народовъ, или же, хотя и ограничиваютъ сравненіе цикломъ тѣхъ или другихъ народовъ, но все-таки не упускаютъ изъ виду тѣхъ результатовъ, которые достигнуты другими изслѣдователями при изученіи быта остальныхъ народовъ. Несомнѣнно, что писатели, принадлежащіе къ этой школѣ, находятся на болѣе вѣрномъ пути. Но и они не избѣгли погрѣшностей. Главный недостатокъ ихъ изслѣдованій (за исключеніемъ, собственно говоря, только сочиненія Вахофена) состоитъ въ маломъ знакомствѣ съ древнимъ правомъ арійскихъ народовъ и въ обращеніи вниманія почти исключительно на данныя изъ быта и права современныхъ варварскихъ и дикихъ племенъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ изслѣдователей сравненію институтовъ часто не предшествовало точное ихъ изученіе, вслѣдствіе чего нерѣдко вѣтшее сходство принималось за сходство по существу и дѣлались совершенно ошибочные выводы ¹⁾.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи особенно грѣшитъ Лавеле въ своемъ сочиненіи «De la propriété et de ses formes primitives». Нельзя не согласиться съ Фюстель-де-Куланжемъ (Etude sur la propriété à Sparte въ Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques, nouvelle série, Tome XIII, p. 617s), что доводы, приводимые Лавеле въ подтвержденіе его миѣнія, что земля въ первобытныхъ обществахъ всегда находилась въ общинномъ владѣніи, набраны довольно случайно. Замѣтивъ известное сходство между деревенскими общинами Индіи и русскимъ міромъ, заключивъ далѣе довольно поспѣшно, что алиенды Швейцаріи и Нидерландовъ представляютъ тѣ же характеристическія черты, Лавеле приобщилъ ко всему этому два-три изреченія Цезаря о бытѣ Германцевъ, показаніе Дюдора о жителяхъ Липарскихъ острововъ, да еще нѣсколько вымысловъ древ-

Переходя теперь къ специальной задачѣ нашего изслѣдованія, посмотримъ, какой взглядъ на первоначальную организацію семьи установился у каждой изъ указанныхъ нами школъ ¹⁾.

До прииѣненія сравнительнаго метода къ историческому изученію права, ученые историки-юристы считали такъ-называемую патриархальную семью самою первичною формою семейной жизни, а равнымъ образомъ и общественной организаціи. Характеристическими признаками этой формы семьи признавались слѣдующія: 1) неограниченная власть отца-домовладыки надъ женой и дѣтьми, заключающая въ себѣ право жизни и смерти; эта власть была связующимъ началомъ семьи: кто выходилъ изъ-подъ семейной власти, выходилъ изъ семьи, порывалъ съ ней всякую связь; 2) опредѣленіе принадлежности къ семьѣ происхожденіемъ отъ одного изъ членовъ-мужчинъ этой семьи (агнатическое начало) и рожденіемъ отъ законнаго брака, такъ что дѣти дочерей и незаконнорожденные не принадлежали къ семьѣ. Впрочемъ, и при наличности этихъ условий, отъ домовладыки зависѣло принять или не принять поворожденнаго въ семью. Патриархальный родъ, возникающій вслѣдствіе распаденія первоначальной патриархальной семьи на нѣсколько отдѣльныхъ патриархальныхъ семей и воссоединенія этихъ семей въ покоющійся на федеративномъ началѣ союзъ, разсматривался какъ общественный организмъ, основанный на тѣхъ же принципахъ и представляющій тѣ же характеристическія черты, что и патриархальная семья. Повсюду безграничная власть главы, повсюду непризнаваніе родства по женской линіи и родства, основаннаго на рожденіи отъ вѣбранаго сожительства. Такая форма семьи, очевидно, точь въ точь соотвѣтствуетъ той формѣ, съ которой мы встрѣчаемся въ древнѣйшій періодъ исторіи римскаго права. И въ дѣйствительности, представленія историковъ-юристовъ о первоначальной семьѣ сложились подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ той формы, которую создала древне-римская жизнь. Да оно и не могло быть иначе. Вѣдь, впервые исторически изслѣдовано было

нихъ постовъ о золотомъ вѣкѣ и, на основаніи всего этого, сдѣлалъ общіе выводы.

¹⁾ Само собою разумѣется, что нами указаны будутъ только главнѣйшія основанія ученія обѣихъ школъ: полная критика этого ученія завела бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи. Не слѣдуетъ забывать, что нашъ очеркъ посвященъ, главнымъ образомъ, кельтической и германской семьямъ. Возвращая, имѣющія общій характеръ, приводятся и разсматриваются нами только для опредѣленія исходной точки спеціального изслѣдованія.

только римское право. Потому, когда стали изучать историю германскаго права, то, такъ какъ тогда история права каждаго отдѣльнаго народа изучалась совершенно самостоятельно, не постарались выяснить принципиальное различіе германскаго семейнаго строя отъ строя римской семьи, а просто только отмѣтили, что отеческая власть въ германскомъ правѣ носить болѣе мягкой характеръ, чѣмъ въ римскомъ, что семейныя и родовыя права у Германцевъ принадлежать какъ родичамъ по мужеской, такъ и по женской линіи, какъ законно, такъ и незаконнорожденнымъ. Все это считалось особенностью *juris germanici*, исключеніемъ изъ общаго правила первичныхъ обществъ, а этимъ общимъ правиломъ счѣтались нормы древнѣйшаго римскаго права. Мало по малу, въ силу постоянного повторенія во всѣхъ монографіяхъ и учебникахъ гражданскаго и государственнаго права, положеніе, что патриархальная семья есть первичная форма семьи и всякаго общенія между людьми, признано было, если можно такъ выразиться, догматомъ юридической науки.

Въ этомъ ученіи о первоначальной формѣ семьи примѣненіе сравнительнаго метода должно было произвести коренной переворотъ, такъ какъ въ бытѣ современныхъ намъ дикарей обнаружены были формы общественной и семейной организаціи, носящія несомнѣнно болѣе архаическій характеръ чѣмъ римская патриархальная семья. Впрочемъ, еще прежде возникновенія сравнительно-исторической школы болѣе тщательное изслѣдованіе древнѣйшаго римскаго общественнаго и домашняго строя привело къ открытію ряда такихъ фактовъ, которые, еслибы на нихъ обращено было болѣе вниманія, несомнѣнно поколебали бы господствующее ученіе о томъ, что патриархальная семья была первою формою семейной и общественной организаціи. Я говорю о томъ открытіи, которое сдѣлалъ въ концѣ 20 годовъ Кленце ¹⁾, что въ Римѣ искони рядомъ съ *agnatio* признавалась и *cognatio*. До Кленце думали, что до второй половины республиканскаго періода въ родствѣ безусловно господствовало агнатическое начало, что только съ указаннаго времени за когнатами стали признаваться семейныя и родственныя права. Кленце доказалъ, что извѣстными семейными правами когнаты пользовались съ неза-

¹⁾ См. его статью «Die Cognaten und Affinen nach roemischem Rechte» въ *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, VI, Berlin, 1828. Здѣсь Кленце является предвозвѣстникомъ сравнительно-историческаго направленія, такъ какъ онъ проводитъ параллель между институтами римскаго права и права другихъ арійскихъ народовъ.

памятныхъ временъ ¹⁾, что, слѣдовательно, рядомъ съ цикломъ агнатическаго родства постоянно признавался и циклъ родства когнатическаго. Это должно было заставить усомниться въ томъ, что патриархальная семья, такъ неразрывно связанная съ агнатическимъ началомъ, даже у Римлянъ была первичною формою семейнаго строя. Но подобнаго вывода не было сдѣлано. Послѣдующіе изслѣдователи просто повторяли положенія Кленце, не приводя ихъ въ связь со всею остальною системою древнѣйшаго права ²⁾.

Представители первой изъ упомянутыхъ выше новыхъ школъ, то-есть тѣ ученые, которые ограничиваютъ сравненіе народами арійской расы, ничего не сдѣлали для выясненія генезиса семейныхъ формъ. Не только они не пошли далѣе старой школы, но сдѣлали значительный шагъ назадъ, совершенно игнорируя даже тѣ факты, которые были указаны Кленце, и которые, какъ мы только что видѣли, свидѣлствуютъ объ исконномъ значеніи когнатства у Римлянъ, этихъ главныхъ представителей патриархальной семьи. На эти факты не обращено было вниманія, и новая школа окончательно объявила патриархальную семью съ сильно развитою patria potestas и строго проведеннымъ началомъ агнатства первичною формою семьи, общою всѣмъ арійскимъ народамъ ³⁾. Но въ исторіи права нѣкото-

¹⁾ Между исконными правами и обязанностями когнатовъ Кленце указываетъ на jus osculii въ связи съ запрещеніемъ брака въ извѣстныхъ gradus cognationis, на право участія когнатовъ къ семейнымъ судамъ и на officium iugendi. Какъ очень древнее рассматривается имъ право представительствъ когнатовъ на судъ предпочтительно передъ extranei, тамъ, гдѣ это представительство вообще допускалось въ древнемъ процессѣ (actiones pro populo, de libertate, pro tutela).

²⁾ См. Rein, Das Privatrecht der Römer, Leipzig 1858, p. 503 ff., Lange, Römische Alterthümer (3-te Auflage) Band I, p. 234. Сей послѣдній авторъ, признавъ сперва (l. c. 211) агнатическое начало въ томъ видѣ, въ какомъ оно выразилось въ римской семьѣ и римскомъ родѣ, общимъ всему человечеству организационнымъ основаніемъ, рассматриваетъ отношеніе такъ называемое naturalis cognatio, какъ основанное исключительно на освоенной обычаемъ взаимной любви, и имѣющее значеніе только въ самыхъ близкихъ степеняхъ кровнаго родства.

³⁾ Ср. Мэнъ, Ancient law, third edition, p. 133 — 150, гдѣ этотъ писатель старается, во что бы то ни стало, доказать, что римская patria potestas была необходимо типомъ первообытной отеческой власти. При этомъ, извѣстное показаніе Гаю (I, 55): «Item in potestate nostra sunt liberi nostri, quos iustis nuptiis procreavimus, quod jus proprium civium romanorum est, fere enim nulli alii sunt homines, qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus». Мэнъ объясняетъ тѣмъ, что у большинства народовъ patria potestas, подобная

рыхъ арійскихъ народовъ изслѣдователи встрѣтились съ такими фактами, которые прямо противорѣчили только что указанному воззрѣнію. Нѣкоторымъ изъ этихъ фактовъ придано было, впрочемъ не безъ значительныхъ натяжекъ, такое толкованіе, при которомъ устранялось упомянутое противорѣчіе. Тамъ же, гдѣ факты положительно не допускали подобнаго толкованія, ученые разсматриваемой школы не затруднялись, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, прибѣгать къ отрицанію подлинности этихъ фактовъ. Только что сказаннымъ мы не желаемъ заподозрить добросовѣстность этихъ ученыхъ; мы не отвергаемъ ихъ заслугъ. Они дѣйствовали вполнѣ добросовѣстно, но убѣжденіе, что римская форма семьи есть первичная форма, до того овладѣло, если можно такъ выразиться, всѣмъ ихъ существомъ, что все противорѣчащее этому основному ихъ воззрѣнію не могло не казаться имъ невѣроятнымъ. Заслуги этихъ изслѣдователей такъ же несомнѣнны. Онѣ состоятъ въ выисненіи организациі патриархальной семьи и опредѣленіи вліянія, которое культъ предковъ имѣлъ на эту организацию. Такимъ образомъ, мы утверждаемъ только, что взглядъ этихъ ученыхъ на генетическое развитіе, послѣдовательность и преемство семейныхъ формъ не вѣренъ.

Перейдемъ теперь къ изложенію ученій другой школы, придерживающейся сравнительнаго метода въ широкихъ размѣрахъ. И относительно генезиса семейныхъ формъ сдѣлано ею болѣе, чѣмъ тѣми учеными, которые ограничиваютъ сравненіе цикломъ арійскихъ народовъ. А именно, выяснено было прежде всего, что появленію брачныхъ формъ предшествовалъ извѣстный періодъ гетеризма ¹⁾, что непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія брачныхъ формъ является достиженіе даннымъ народомъ извѣстной степени цивилизаціи, что брачныя формы развиваются очень медленно, и наконецъ, что даже по установленіи брака старое начало гетеризма не исче-

римской, существовала непродолжительное время, почему и неудивительно, что во время Гая она составляла особенность римскаго права и не находилась въ правахъ другихъ народовъ, подвластныхъ римской державѣ. *Юстель-де-Куланжъ* (*La cité antique*, V, 5) признаетъ агнатство первичною формою родства, основанною на единствѣ семейнаго культа, этого перваго связующаго начала между людьми. *Гуръ* (*The agnate household*, London, 1879) придерживается идей Мена и *Юстель-де-Куланжа* и развиваетъ ихъ далѣе и, собственно говоря, еще одностороннѣе.

¹⁾ Такъ называетъ этотъ періодъ *Бакофенъ* въ своемъ сочиненіи «*Das Mutterrecht*».

заетъ сразу, но долго еще, какъ стихійная сила, борется съ новымъ ограничивающимъ его брачнымъ началомъ. Между брачными формами указаны были всякія несомнѣнно болѣе архаическія характеръ чѣмъ извѣстныя дотолѣ ученымъ моногамія и полигамія, а именно разныя полиандрическія формы. Само собою разумѣется, что при господствѣ гетеризма (хотя бы и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ полагають нѣкоторые ученые) и при низшихъ формахъ брака немислима была патриархальная семья и преобладаніе агнатическаго начала въ родствѣ не могло имѣть мѣста. Напротивъ того, при подобныхъ основахъ быта, семья должна была группироваться около матери (хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ первичныхъ обществахъ преобладала гинайократія, какъ полагають нѣкоторые изслѣдователи). И дѣйствительно, исключительное господство родства по матери у значительнаго числа народовъ, находящихся въ настоящее время на низшихъ степеняхъ развитія, несомнѣнно доказано новѣйшими изслѣдованіями, а также не подлежитъ сомнѣнію, что у большинства остальныхъ первобытныхъ народовъ родство по матери по крайней мѣрѣ пользуется признаемъ рядомъ съ родствомъ по отцу. Кроме того замѣчено еще было, что у нѣкоторыхъ малоразвитыхъ народовъ семейнаго строя совсѣмъ не существуетъ, а равнымъ образомъ нѣтъ представленія о родственныхъ связяхъ между индивидуумами: у этихъ племенъ опредѣляется только принадлежность лица къ той или другой общественной группѣ посредствомъ рожденія отъ одной изъ женщинъ данной группы. Чтобы понять подобное явленіе, необходимо познакомиться съ возникновеніемъ такихъ первичныхъ группъ самаго низшаго порядка. Въ этихъ группахъ общеніе между людьми не основывается первоначально на строго опредѣленномъ принципѣ и даже иногда не представляетъ характера постоянства. Возникнувъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ (въ большинствѣ случаевъ вслѣдствіе необходимости совокупнаго дѣйствія въ борьбѣ съ другими людьми и съ силами природы и при эксплуатаціи даровъ природы), такія общественныя группы неопредѣленнаго типа пріобрѣтають съ теченіемъ времени мало по малу, въ силу привычки, все большую и большую сплоченность, въ особенности, если та причина, которой онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ, продолжаетъ дѣйствовать постоянно и непрерывно. Въ этой стадіи развитія дѣти, рожденныя женщинами группы, воспитываются при группѣ, остаются и вслѣдствія при ней и пропеваются чувствомъ солидарности съ нею. Дѣти суть принадлежность

всей группы, не своихъ родителей, такъ что индивидуальнаго родства въ рассматриваемое время не существуетъ, а признается только групповое родство. Всѣ члены группы одинаково близки другъ другу. Они различаются только по возрасту. Всѣ однолѣтки считаются братьями и сестрами, старшихъ они называютъ отцами и матерями, а младшихъ сыновьями и дочерьми. Такъ что эти термины родства, которые мы привыкли употреблять для обозначенія индивидуальныхъ родственныхъ отношеній, означаютъ у малоразвитыхъ племенъ, о которыхъ идетъ рѣчь, исключительно принадлежность къ извѣстному поколѣнiю группы и отношеніе къ другимъ поколѣнiямъ ¹⁾. Даже послѣ возникновенія индивидуальнаго родства сознание солидарности съ цѣлой группой преобладаетъ надъ индивидуальной связью съ матерью и несомнѣнно надъ индивидуальной связью съ отцомъ, который въ рассматриваемое время печется о дѣтихъ не болѣе остальныхъ взрослыхъ членовъ группы: нерѣдко, такъ какъ въ такихъ первичныхъ группахъ отношенія между полами далеко не могутъ быть признаны упорядоченными, отецъ остается неизвѣстнымъ. Индивидуализація родственнаго чувства имѣетъ мѣсто прежде всего относительно матери и потомъ уже относительно отца. Понятіе патернитета устанавливается въ высшей степени медленно. Возникновенію отеческой власти должно предшествовать обоснованіе брака на болѣе или менѣе прочныхъ основахъ. Но, разъ получивъ признаніе, начало патернитета беретъ перевѣсъ надъ началомъ матернитета, что, въ свою очередь, имѣетъ слѣдствіемъ преобладаніе родства по мужской (то-есть, отцовской) линіи надъ родствомъ по женской (то-есть материнской) линіи. Но при этомъ необходимо замѣтить, что въ очень рѣдкихъ случаяхъ и только при дѣйствіи особыхъ условій отеческая власть принимаетъ такой безусловный характеръ какъ въ римскомъ правѣ; напротивъ того, у большинства народовъ она является властью, устанавливаемой для блага и защиты лицъ ей подчиненныхъ. Равнымъ образомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ родство по отцу окончателно вытѣсняетъ родство по матери. Напротивъ того, оба цикла родства пользуются рядомъ другъ съ другомъ признаніемъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и не въ равной степени. Таковы результаты, которые дало изслѣдованіе быта и права народовъ, находящихся въ настоящее время на низшихъ степеняхъ развитія. Но,

¹⁾ Групповое родство и степени его наиболѣе наглядно изложены у Жиро-Тилона (*Les origines de la famille*, p. 85 s.).

какъ опредѣляется въ виду этого прошлое народовъ, принадлежащихъ къ великой арійской расѣ? Прошли ли эти народы тѣже стадіи развитія, или же ихъ семья и ихъ родъ въ своемъ образованіи и дальнѣйшемъ развитіи слѣдовали иному закону? Большинство изслѣдователей, примѣняющихъ сравнительный методъ въ широкихъ размѣрахъ, признають, что въ развитіи арійскихъ народовъ господствовали начала, тождественныя съ тѣми, которыя мы наблюдаемъ у остальнаго человѣчества. Но, мнѣніе этихъ ученыхъ, мало знакомыхъ (за исключеніемъ Бахофена) съ прошлымъ арійскихъ народовъ, мы не можемъ принять безъ провѣрки, ибо для современной науки мало общихъ соображеній, а необходимо обставить каждое отдѣльное положеніе достаточнымъ количествомъ фактовъ. Вѣдь вся арійская раса, подобно римскому народу, могла въ силу особыхъ условій слѣдовать въ своемъ развитіи совершенно своеобразному закону, по существу различающемуся отъ того, который дѣйствовалъ въ остальномъ человѣчествѣ. Это обыкновенно и утверждаютъ приверженцы той школы, которая ограничиваетъ сравненіе цикломъ народовъ арійской расы. На этомъ основаніи, говорятъ они, и излишнее сравненіе съ другими народами ¹⁾. Ихъ мнѣніе какъ бы подкрѣпляется филологами, утверждающими, что высшій типъ семьи, судя по даннымъ, добытымъ путемъ сравнительнаго языковѣдѣнія, искони, еще на прародинѣ былъ достояніемъ арійскихъ народовъ ²⁾. Къ разбору доводовъ филологовъ мы возвратимся ниже. Теперь же возразимъ Мэню и писателямъ одной съ нимъ школы, что, если неосновательно было со стороны изслѣдователей, придерживающихся воззрѣнія, противоположнаго ихъ взгляду, утверждать, что арии прошли всѣ низшія ступени развитія, только на томъ основаніи, что другіе народы прошли или проходятъ эти ступени, то еще неосновательнѣе отвергать совершенно голословно, что эти ступени пройдены ариями. А Мэнъ и писатели одного съ нимъ направленія отвергаютъ это въ данномъ случаѣ совершенно голословно,

1) Мэнъ Early, History of institutions, Lecture III, и въ статьѣ, упомянутой у насъ подъ руками во французскомъ переводѣ «De l'organisation juridique de la famille chez les Slaves du Sud et les Rajpoutes», p. 1. Нѣкоторые изъ изслѣдователей одного направленія съ Мэню заявляютъ, что имъ безинтересно, проходили ли Арии низшія стадіи развитія, такъ какъ отъ этихъ стадій, по ихъ мнѣнію, не осталось никакихъ слѣдовъ; патриархальный же строй существуетъ у арійскихъ народовъ съ незапамятныхъ временъ.

2) Гуринъ, The aryan household p. 1 ff. p. 153 ff, *Pictet*, Les origines indo-européennes. 2 édition, III, p. 5, n. 1.

такъ какъ имъ въ сущности самостоятельно изслѣдовано только римское право, изъ права же другихъ арійскихъ народовъ подобраны лишь данныя для подрѣбленія сложившагося при изученіи римскаго права воззрѣнія. Для того, чтобы дать вполне научное разрѣшеніе занимающему насъ вопросу, необходимо тщательно, безъ предвзятыхъ взглядовъ, но не упуская въ то же время изъ вида результатовъ изученія быта и права не-арійскихъ народовъ, изслѣдовать древнѣйшую исторію семьи и союза родственнаго у каждаго отдѣльнаго арійскаго народа и только послѣ такого изслѣдованія, сдѣлавъ сравненіе, вывести общій для всей расы законъ. Такое изслѣдованіе предпринято было нами относительно Кельтовъ и Германцевъ, и мы пришли къ заключенію, что у этихъ отраслей арійской расы не существовало патриархальной семьи въ томъ смыслѣ этого слова какъ его понимаетъ Мэнъ. Хотя исторія и заставетъ Германцевъ и Кельтовъ въ тотъ моментъ, когда родство по мужской линіи уже получило въ извѣстныхъ отношеніяхъ преобладаніе надъ родствомъ по женской линіи, но сіе послѣднее далеко не было вытѣснено окончательно. Равнымъ образомъ, у древнихъ Германцевъ и Кельтовъ мы не встрѣчаемъ той безусловной отеческой власти, которая признается римскимъ правомъ. Наконецъ, въ правѣ Кельтовъ и Германцевъ есть несомнѣнный указанія на то, что эти народы нѣкогда прошли тѣ низшія степени развитія, которыя прошло и остальное человѣчество.

Въ настоящей статьѣ я предполагаю, указавъ въ краткомъ очеркѣ на то, что сдѣлано до сихъ поръ для выясненія древнѣйшей организаціи семьи у различныхъ арійскихъ народовъ, фактически обосновать только что высказанныя мною положенія объ организаціи семьи и родства у Кельтовъ и Германцевъ.

Но прежде чѣмъ обратиться къ выполненію спеціальной задачи нашего изслѣдованія, необходимо устранить одно общее возраженіе, о которомъ мы упомянули выше. Дѣло идетъ о возраженіи, дѣлаемомъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, и свидѣтельствующихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, о существованіи у аріевъ въ до-историческое время высшей формы брака и патриархальной организаціи семьи. Намъ необходимо провѣрить это возраженіе на фактахъ, потому что если оно вѣрно, то работа наша для опредѣленія общихъ всѣмъ арійскимъ народамъ началъ семейной организаціи становится, собственно говоря, излишней. А именно, если въ дѣйствительности языкъ аріевъ неоспоримо свидѣтельствуетъ объ исконномъ существованіи у нихъ высшей формы

брака и патриархальной организаціи семьи съ исключительнымъ господствомъ агнатическаго начала въ родствѣ, то всѣ слѣды многою порядкомъ въ правахъ отдѣльныхъ арійскихъ народовъ должны быть признаны сложившимися въ послѣдствіи, или заимствованными отъ другихъ народовъ, съ которыми арии смѣшались въ своей позднѣйшей исторіи. Но намъ кажется, что данныя языка далеко не такъ неоспоримо свидѣтельствуютъ въ пользу противоположнаго намъ воззрѣнія. Мы, само собою разумѣется, не намѣрены предпринимать здѣсь самостоятельнаго изслѣдованія: мы укажемъ только, что цѣлый рядъ фактовъ, приводимыхъ самими представителями противоположнаго воззрѣнія, скорѣе говоритъ въ пользу нашего взгляда. Съ этою цѣлю мы останавливаемся на богатомъ, сведенномъ у Пикте въ его „Origines indoeuropéennes“ матеріалѣ ¹⁾, и, по тщательномъ разсмотрѣніи этого матеріала, находимъ: 1) что многіе термины, обозначающіе родство, должны были сложиться въ такое время, когда преобладалъ счетъ родства по женской линіи. Сюда относится главнымъ образомъ греческій терминъ для обозначенія брата и сестры, ἀδελφός-φη, имѣющій одинъ корень съ δελφός—утроба (ἀ=sun и δελφός=uterus), и санскритскіе термины, выражающіе то же родственное отношеніе, sagarbha (sa = sun и garbha = uterus), sôdara (sa = sun и udara = uterus) и salâbhi (sa = съ и pâbhi = пуповина, то-есть отъ одной пуповины ²⁾). Далѣе, санскритскій терминъ svasog, то-есть сестра, который по мнѣнію Пикте, первоначально значилъ „живущая вмѣстѣ (sa=sun и корень vas = habitare), то-есть съ братомъ“, очевидно, возникъ въ такое время, когда женщина не переходила въ семью мужа, а жила при той семьѣ, въ которой родилась, съ своими братьями ³⁾. Самое слово братъ (по санскритски bhgâtar, имен. падежъ bhgâtâ) означаетъ кормильца, защитника сестры. Отъ одного корня съ братомъ (bhr, bhag=ferre, sustentare, nutrire) происходитъ въ санскритскомъ языкѣ слово bhartar, означающее мужа въ смыслѣ кормильца и защитника ⁴⁾. Несомнѣнно, что терминъ bhgâtâr сложился прежде чѣмъ bhartar, потому что производное отъ корня bhag существительное мужскаго рода въ смыслѣ брата встрѣчается во всѣхъ арійскихъ языкахъ, а въ смыслѣ мужа только въ санскритскомъ языкѣ ⁵⁾, гдѣ оно

¹⁾ Pictet, l. c. Tome III p. 1—68.

²⁾ Pictet, l. c., p. 52.

³⁾ Ib., l. c., p. 52.

⁴⁾ Ib., l. c., p. 51.

⁵⁾ Ib., l. c. p. 20.